

Алиена Пенская



ФЛЕЙМА

Алина Ленская

Флегма

«Автор»

2026

Ленская А.

Флегма / А. Ленская — «Автор», 2026

Вообразите мир, жители которого утратили природную способность испытывать чувства. Для выживания становится необходим искусственный заменитель гормонов – аффектин. Его повсеместно добавляют в пищу, а таблетки в чистом виде продаются в лавках за немалые деньги, потому и становятся недоступной роскошью для большей части населения Юнии. Недостаток аффектина в организме начинает вызывать флегму. Страшная болезнь полностью лишает человека чувств, здорового сна и способности работать. Для жителей Периферии флегма означает конец, ведь для них труд – это всё. Поражённые флегмой безнадёжные рабочие погибают на Окраине, но в Капабланке об этом не ведают. Её жители утопают в мире развлечений и радости, которую им дарит аффектин. В Столице находится и единственный университет Юнии, где институт Сальварен воспитывает целителей. Для Киры, обычной жительницы Периферии, которая мечтает стать целителем, это единственный шанс помочь своему народу и, возможно, однажды найти лекарство от флегмы.

© Ленская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глав	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алина Ленская

Флегма

Глава 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Негаснущая искра

Глава 1

Рабочий день близился к концу.

Жители Периферии слаженно трудились с утра и до вечера – неустанно крутящиеся шестерёнки, движущие механизм Юнии Розы. Ни один винтик не должен выпасть из него, ни одна гайка не может покрыться ржавчиной. Эта земля – всё, что осталось со времён Последней войны.

Утомлённый рабочий южной стекольной фабрики медленно пересекал промышленный район на своих двоих под жарящим солнцем. Редкие потоки ветра обдавали его небритое лицо, пробуждая сознание. Скоро мужчина нырнул в прохладные каменные туннели, спасающие от жары. Здесь, в тени влажных подземных ходов, рабочий перевёл дух и продолжил путь.

Улыбка не озаряла его лицо, прохладный воздух не побуждал облегчённо вздохнуть, он не чувствовал тревоги или радости, страха или гнева – его организм, как и тысячи других организмов, ещё живущих с ним на одной земле, был на это попросту не способен.

В подземке было пусто и мрачно, только тусклый свет ещё не погасших ламп помогал разглядеть хоть что-нибудь впереди. Быстрыми шагами рабочий рассеивал по туннелям эхо, желая успеть в Дом содержания до конца смены. Если в лазарете для него не найдётся свободной койки, он останется ночевать на улице, ведь все дежурные автобусы уже причалят к своим стоянкам. О том, чтобы идти до дьюта пешком, не могло быть и речи – он слишком устал. Если бы надзиратель узнал о его состоянии, работяге было бы уже некуда возвращаться.

Дома содержания открывались добровольцами для таких, как он. Организмы рабочих давно стали истощаться искусственным заменителем гормонов – «аффектином» – единственным, что ещё держит их на ногах, что заставляет бояться смерти, скрывающейся за спиной, и продолжать бороться за жизнь.

На Периферии Домов содержания открылось всего три. По крайней мере, известно было о трёх: один затерялся среди гор Запада, второй вырос в восточных степях, третий открылся здесь, на Юге Юнии. Жителям дьютов этого района повезло, что лазарет обосновался километрах в пяти от стекольной фабрики. Впрочем, мало кто желал там оказаться. Многие были уверены – попадёшь однажды и не вернёшься. И, за редким исключением, были правы. Чтобы выбраться, нужно было в это верить, а эта задача казалась рабочим в разы труднее, чем тягать тяжёлые брёвна на плечах, перетаскивать железобетонные блоки или плавить металл.

Усталый мужчина в грязном комбинезоне приближался к выходу из туннелей. Он еле переставлял ноги, но продолжал идти. Последние два дня рабочему удавалось скрывать обнаруженный им недуг, но сегодня симптомы стали на лицо.

Перед началом смены бригадир Васильев нашёл своего работягу, не явившегося в цех вовремя. Один, он сидел на скамейке в раздевальной с полунадетыми штанами спецовки и глядел куда-то сквозь кирпичную стену. Васильев не обратил на это внимания – такая картина была вполне типична для раннего утра, не предвещающего ничего, кроме работы. Труд стал неотъемлемой частью жизни периферийцев, и каждый день они убеждались, что одарены судьбой и погибли бы без своей работы: без станков, инструментов, кранов и машин, без угля, металла, леса и стекла. Васильев точно это знал: он полезен бригаде, а значит целому миру – вот настоящая жизнь, полная смысла. Окружающие привыкли прислушиваться к бригадиру; он был умён, его слова поднимали на ноги и порой воодушевляли получше таблетки аффектина.

– Эй, Анохин, работа не ждёт, – произнёс Васильев, закрывая дверцу его железного шкафчика, – Айда, завтра поставка в Столицу, нужно уложить четыре вагона.

– Нужно... уложить...

Васильев остановился на пороге комнаты и ещё раз осмотрел рабочего, чей взгляд медленно перемещался с пола на стены и обратно, ни на что не реагируя.

– Чего застыл-то? Не проспался?

– Застыл...

Бригадир подошёл к нему и хлопнул по плечу, стараясь привести в сознание. Васильев видел следы тяжелой ночи, проведённой без сна – редкое явление. Режим рабочих никогда не сбивался: «смена – ужин – сон – смена» и не иначе.

Анохин отвечал вяло, но после лёгкой встряски малость опомнился. Вопросительный взгляд Васильева наконец побудил признаться, что гложет его последние несколько дней.

– Да-а, брат... Прихворал я, кажись... с концами.

Бригадир помрачнел. Васильеву бы не понадобилось много времени, чтобы догадаться самому. Осунувшееся лицо рабочего выражало не просто невозмутимое спокойствие. Это было равнодушие. Бесчувствие. Отрешённость. Это была *флегма*.

Она никогда не была неожиданной гостьей в жизни рабочих. Флегма коварно скрывалась за дверьми домов жителей Периферии, безрадостных и голодных, обречённых на вечный труд. Глубоко внутри каждый из них был уже готов однажды столкнуться с нею, один на один.

На фабрике это не первый случай, однако никто из членов бригады до этих пор не поддавался ей. Теперь-то Васильев понял, что всё это значит – скоро он потеряет одного из них. Для работяги обратного пути нет.

Под опущенными ресницами потухших глаз скрывалось отчаяние. Бригадир понял, что Анохин готов сдаться. Он оказался в тупике, хотел скрыть подступившую болезнь, но это было только вопросом времени. А Дом содержания? Он казался рабочему лишь далёким пристанищем, где люди находят покой. Но покой – не то что ему нужно. Он не желал оставлять своё место, отдавать себя в руки Милосердных, понимая, что не выберется из их содержания и потеряет всё. Он был не готов расстаться с дьютом и фабрикой навсегда. Если бы не Васильев, у него не хватило бы духа даже выйти из раздевальной...

– Послушай-ка, – сказал он, – Ты не торопись раскисать. Может, не всё ещё...

– Ай-й, – с заметным отчаянием махнул рукой Анохин, – Чему быть, того уж не миновать. А что остаётся? Мне и терять-то нечего...

– Зато нам есть чего. Как мы тут без тебя, а? Если подымешься на ноги, так вернёшься. Ты хоть попытайся, от пробы-то хуже не станет...

Рабочий повесил голову, обдумывая слова своего бригадира, в которые трудно было поверить, но которые ещё могли спасти ему жизнь.

– А ты бы... пошёл? – тихо спросил Анохин.

Васильев задумался, оглядывая собственные ботинки, и ему пришлось на секунду представить, что было бы, окажись он на месте собригадника. И пусть решение было бы трудным, но ответ привиделся ему ясным, как день:

– Пошёл бы. Конечно, пошёл.

Ему удалось убедить Анохина отправиться после смены в Дом содержания номер 3, и он отпустил работягу раньше. Сам Васильев никогда там не бывал. Даже он не слишком верил, что столичная целительница, основавшая лазарет, действительно сможет избавить народ Периферии от флегмы, и, как ему было известно, до сих пор у неё этого так и не получилось. Однако в Доме под крылом целителя работала и его дочь. На её счёт Васильев не сомневался – по крайней мере, был уверен, что Кира не оставит человека в беде.

Наконец, Анохин увидел перед собой невысокий Дом в два этажа. Кирпич его стен, крашенный белой известью, отражал солнечный свет, выделяясь на фоне тусклых строений далеко позади. Казалось, вокруг вот-вот даже зарастёт трава. Не та, жёлтая и сухая, хрустящая под ногами, с тонкими пыльными колосками, что колышет туда-сюда ветер Периферии, а свежая зелёная трава. Кое-где, вдали от фабрик и дорог, пробиваются мягкие свежие ростки зелени, словно на картинках ушедших времён. Они образуют маленькие лужицы сочного цвета, но после первых же заморозков под мокрым снегом превращаются в увядшую гниль.

Рабочий потянул на себя одну из створок дверей Дома и перешагнул через порог. Послышался скрип, протянувшийся эхом по коридору. В нос пробирался запах хлорки. Было тихо. Больным в палатах требовался покой, но где-то рядом был едва слышен разговор двух женских голосов и тянул за собой. Не зная пути дальше, Анохин пошёл на звук. Он увидел нужную дверь и приблизился к ней, как она тут же открылась и оттуда вдруг высунулась фигура пухлой темноволосой женщины. Она окинула грязного рабочего взглядом, но он тупо уставился на неё, забыв, зачем пришёл. По белоснежному фартуку он понял, что это одна из Милосердных. Женщина юркнула в проход мимо него, стараясь не задеть рукавом чистого халата его одежду, и исчезла за одной из дверей.

Мужчина оказался перед уютным кабинетом, непохожим на больничную палату. Окно было зашторено длинными занавесками, вверху неярко горела лампа, в углу комнаты расположился длинный деревянный стол, хранивший на себе много книг, бумаг и неизвестных инструментов, а рядом находилось весьма притягательное креслице. Опершись на него, спиной к посетителю стояла стройная рыжеволосая девушка и читала записку в руке. Рабочий молча остановился на пороге. Его взгляд переместился на загадочную деревянную ширму в другой стороне комнаты, а за ней виднелся большой резной шкаф, подобных которому Анохин никогда не встречал.

Из его горла раздался глухой кашель от пыли, забившей лёгкие. Рыжеволосая резко и беспокойно обернулась на звук. Мужчина понял, что перед ним сама целительница. Она оказалось довольно молодой. Живые голубые глаза вдруг устремились вперёд. Взгляд рабочего привлёк её белый фартук, такой же, как у встреченной им Милосердной. Заметнее чистой одежды и ярких волос выделялись её губы красного цвета. Девушка достала руки из карманов своего светло-голубого халата и с участием подошла к пациенту.

– Простите мою невнимательность. Я Нора, – её лицо приняло странный вид, но он заставил рабочего слегка расслабиться, – Могу чем-то помочь?

Она заглянула в его уставшие серые глаза, чуть наклонясь, и покачала головой. Нора не знала этого человека, но такой взгляд был ей уже знаком.

– Я от Васильева, – коротко и сухо ответил Анохин, – Дочь его ищу.

– А-а, Кира скоро закончит обход, вы можете подождать здесь. – Улыбнувшись, Нора указала на стул рядом с её столом.

– Некогда мне уже ждать. – Он махнул рукой и потёр щетинистый подбородок.

Нора с интересом уставилась на посетителя, который, казалось, сам ещё не решил, зачем пришёл к ней. Но Нора отличалась стальным терпением и, сложив руки на груди, с молчаливой улыбкой ждала от него объяснений.

– Больной я, вот что, – сообразил Анохин, – Затем к Кире и пришёл. Васильев сказал, она мне поможет, а ему откуда знать? Умный он, да... только дни мои считать пусть не берётся. Пожил и хватит, чего обузой цепляться... Я бригаде уже не помощник, а вам тут тоже делов хватает, прав я?

Нора продолжала смотреть на рабочего оценивающим взглядом, и улыбка понемногу сходила с её лица. Она заметила, как мужчина, не находивший себе места, так и порывался уйти прочь, но что-то останавливало его.

– Верно, что пришли, – заключила Нора, в очередной раз увидев подобный случай, – Вы отчаялись. Но поверьте мне, это ещё не конец. Здесь мы вас подлатаем, согласны?

Не дожидаясь ответа, Нора быстро вернулась к своему креслу и жестом пригласила рабочего подойти к столу. Он водрузился на деревянный стул у стены, каждую неделю сменявший пациентов.

– Как ваше имя? – спросила Нора.

– Ким Анохин.

Девушка стала быстро заполнять чернилами страницу в толстом журнале, потом взяла серую карточку и стала выводить на ней всё, что ей нужно было знать о новом пациенте.

Целительницу никогда не видели за пределами лазарета, девушка жила здесь, постоянно находясь с больными. О ней ходили лишь слухи, так что рабочий, не интересующийся байками собратьев, ничего о целителе в общем не знал.

Дверь в комнату осталась открытой, и из коридора стали хорошо слышны быстрые шаги чьих-то тапочек. Анохин не повернул голову на звук, равнодушно глядя под ноги, но усталый голос вошедшей девушки всё же заставил его обратить внимание на юную Милосердную. На ней был такой же белый фартук, как у остальных. Его карманы были набиты разными вещами: стопкой лежали маленькие серые карточки, наружу выглядывали резиновые перчатки, торчал тонкий карандаш и виднелась склянка с розовыми таблетками, которую девушка достала и поставила на стол перед Норой.

– Кажется, всё, – вздохнула она, – Старушкам сегодня хуже, просто тают на солнце... Я поставила им холодные компрессы. Имани не дала занавесить окно, всё смотрит на улицу, – девушка чуть слышно усмехнулась, – Остальные пациенты в норме, но обогрев палат стоит включить только после заката. Ужасно жарко...

– Я прослежу за этим, Кира, ты можешь идти, – кивнула целительница.

Мужчина при звуке знакомого имени поднял глаза на девушку. Светло-русые непослушные кудри, собранные сзади, и смелые тёмные глазки, устремлённые вперёд, напомнили рабочему Яна, её старшего брата, которого Анохин хорошо знал с фабрики. Кира была низенькой и худой, её мягкие черты лица не портила усталость, оно оставалось чистым и ясным, не поддаваясь изнурению, но растрёпанные волосы и капельки пота на лбу, тем не менее, говорили о нелёгком рабочем дне.

Кира, хоть и была знакома с отцовской бригадой, не сразу узнала человека, сидящего перед Норой. Рабочие были похожи друг на друга – крепкие, но побеждённые трудом, жившие в одних условиях, плечом к плечу. В этом мужчине многое изменилось за пару дней: глаза потускнели, под ними синели тёмные круги, кожа побледнела и одрябла. Девушка быстро сделала вывод, что рабочий плохо спал последние дни. Мышцы его лица застыли, ничто не заставляло их двигаться. Всё стремилось куда-то вниз под тяжестью нависшей болезни. Целительница быстро подтвердила догадки Киры:

– Флегматик. Говорит, твой отец отправил его к нам.

– Отец? – удивлённо сказала Кира, – Что ж... Правильно сделал. – Она перевела взгляд на Анохина и жестом пригласила его подняться, – Идёмте, провожу вас в палату.

Перед тем, как уйти, девушка подошла к Норе, чтобы взять серую карточку.

– Ещё один? – шёпотом спросила она.

Нора в ответ лишь сжала губы, давая понять, что предотвратить это она не в силах.

– Шестая палата, – коротко сказала Нора, протянув Кире карточку пациента, и молча вернулась к делам.

Анохин последовал за Кирой из кабинета. Несмотря на усталость, она быстро шагала по дощатому полу в тихих тапочках. Её пушистые светлые волосы были убраны в неряшливый пучок, выпавшие пряди развевались в стороны от стремительной походки. Она вертела головой, оглядывая двери на пути, как бы ещё раз проверяя, всё ли в порядке с палатами. Анохин старался успевать за ней. Вскоре Кира привела его к нужной комнате.

– Переоденьтесь и отдыхайте. Ужин вам принесут.

Рабочий кивнул ей, взял комплект чистой одежды, состоящий из простой сорочки и лёгких брюк, и подошёл к кровати. Он не осматривался и какое-то время лишь глядел в пол, не решаясь двинуться. Заметив это, Кира помогла ему расположиться: усадила на аккуратно заправленную постель и взбила подушку. Посмотрев между делом на Анохина, она не смогла промолчать.

– Вы поправитесь, – твёрдо сказала Кира.

Рабочий поднял на неё глаза и усмехнулся.

– Ты сама-то в это веришь, Василёнок?

Кира застыла на месте, но Анохин быстро потерял к ней интерес. Он стал медленно разворачивать комплект одежды и уже не проронил ни слова.

Взглянув на часы на стене, Кира поняла, что ей пора уходить. После рабочего дня её ещё ждали дела. Заканчивая раньше остальных членов семьи, Кира ходила в лавку за едой для ужина, а потом отправлялась на фабрику дожидаться родителей и брата, чтобы вместе с рабочими уехать на дежурном автобусе домой.

Кулинарная лавка была совсем близко к Дому Содержания. Её владелец Серхат со своей женой каждый день готовил комплексные гормональные обеды для рабочих и регулярно привозил из Столицы склянки с розовым аффектином. Он снабжал ими Дом Содержания, пациентам которого было необходимо хорошее питание и дополнительный заменитель гормонов сверх нормы. Со времён распространения флегмы еду стали делать полезнее – насыщать аффектином, который соответствует минимальной дневной дозе, необходимой организму. Риск заболеть и потерять способность чувствовать заметно уменьшался, но никогда не исчезал.

Кира вошла в остеклённую лавку с пыльным полосатым навесом. Внутри магазин Серхата выглядел уютнее, большие окна пропускали яркий солнечный свет, но новейшие системы охлаждения не давали помещению нагреться. Самого хозяина не было видно, девушка слышала лишь его суетное шуршание и стук картонных коробок за дверью склада. Кира покосилась на прилавок у входа. Подсвеченные деревянные полки демонстрировали прозрачные пузырьки с розовыми таблетками-капсулами. Баночки были разного размера – самые маленькие, по двадцать таблеток, стоили 600 ун, по пятьдесят штук – 1500 ун. Были и дороже. По пустотам между склянками стало ясно, что за сегодня у Серхата куплено всего две штуки. Над полками светила надпись «АФФЕКТИН».

Кира отвернулась и подошла к другому прилавку, где на ценниках было нарисовано вдвое меньше нулей. Глядя на коробочки с комплексными обедами, она ждала Серхата. Спустя пару минут, Кира решила подать звук и прокашлялась.

– Иду! – бодро раздалось за дверью, и через мгновение оттуда появился хозяин лавки, низенький усатый мужчина в лёгком возбуждении, оставшемся с обеда. – Здравствуйте, мисс Кира! Ну, разумеется, кто ещё мог бы заглянуть ко мне в такое время.

Тишина и безлюдье в магазине, единственном в районе, легко объяснялось тем, что рабочий день ещё не закончился. Продавцу не стоило ждать здесь очередей раньше пяти часов.

– Вам как всегда? Или выбрали что-нибудь ещё? – спросил хозяин.

– Только бокс «три на четыре».

Кира выложила на прилавок 240 ун, собрав их из нескольких чеканных монет. Взамен она взяла коробку с пластиковой ручкой, внутри которой были упакованы аффективный завтрак, обед и ужин на четверых членов семьи. Каждый вечер она покупала одинаковые боксы «три на четыре», денег хватало не больше, не меньше. Есть три раза в день было обязательным для получения ежедневной нормы аффектина. Кира чувствовала, что с обеда в ней уже не осталось ничего, было трудно реагировать на весёлость и участие продавца, как бы ни хотелось его отблагодарить.

Девушка снова бросила взгляд на «особые» полки позади, но быстрая и здравая мысль заставила её отвернуться: розовые таблетки ей не помогут. Кира кивнула хозяину в знак благодарности и покинула прохладное помещение.

«Всё могло быть проще», – подумала она. Но её участь не была так тяжела, как у собственных родителей, их товарищей или соседей. Даже родной брат в её годы терпел намного больше, а теперь и вовсе трудится не меньше отца. Кира хотела бы лучшей жизни, но пока она приносит людям пользу, к ней не придёт отчаяние. Она точно знала, что когда-нибудь сможет всем помочь.

Глава 2

Трудно было представить, сколько ещё пылящих фабрик разбросано на просторах Периферии. Немногие из живущих в дьютах, маленьких городках при заводах, выходили за пределы своего района. Редко представлялся случай, чтобы это приносило хоть какую-нибудь пользу. Кира была уверена: что Юг, что Север – всё одинаковое. Только далёкая Столица, Капабланка, казалась чем-то необыкновенным и притягательным.

В Капабланку ходил один пассажирский поезд. По меркам рабочих билеты туда стоили несправедливо дорого – тысяча ун в одну сторону, – хотя столичные жители легко могли позволить себе путешествие на Периферию с ветерком. Правда, все, кто из любопытства или желания острых ощущений решался посетить эти места, больше сюда не возвращались. Тишина, разрываемая отдалённым грохотом производственных машин, пустоши жёлтой степи, пыльные бури и серые коробки домов – картина, которую не каждый захочет увидеть вновь.

Семья Киры жила на Южной Периферии, где было особенно жарко. По ночам же температура порой опускалась ниже нуля, и после захода солнца задерживаться на улице без тёплых вещей не стоило. Впрочем, холод не доставал людей, у которых совершенно не было необходимости покидать ночью свои постели. Погода не любила стабильность и могла «порадовать» периферийцев внезапным градом или ночными заморозками.

Вспомнив, как пару недель назад рабочие застали ранним утром заснеженные дороги, Кира подумала, что не отказалась бы и сейчас от лёгкого снегопада.

На её шее был повязан серый платок, из которого она сделала капюшон, защищающий голову от солнечных лучей. Им же Кира прикрывала лицо от пыли. На ногах сидели ботинки из тонкой кожи, в которых было удобно ходить по жёсткому гравию и песчаным дорожкам. Свой фартук Кира сменила на комбинезон с удобными шортами, надев его поверх белой потрёпанной майки и оголив тонкие загорелые руки.

Преодолевать большие расстояния пешком было привычно и несложно – кроме двух ног ничего другого у неё и не было. Терпеть жару по пути приходилось недолго, большая часть тропинок проходила под землёй, а в туннелях было прохладно и в тёплые дни.

Кира шла к стекольной фабрике. Каждый вечер её маршрут из больницы до дома был одинаковым. Оставалось дожидаться на фабрике семью и вместе отправиться на заслуженный отдых.

Перед глазами Киры открылось большое кирпичное здание двумя этажами ввысь – здание главного стекольного цеха. С торца находились большие закрытые ворота, а рядом пролежала железная дорога, одна из веток которой упиралась в погрузочный пункт. За главным цехом виднелись две высокие трубы, плавно выпускающие густой белый пар. Рядом было ещё несколько маленьких кирпичных зданий. Вокруг комплекса тянулся заржавевший и покосившийся проволочный забор. Он не защищал фабрику, а лишь очерчивал её территорию, и, казалось, сам осознавал свою бесполезность, а потому гнулся всё ближе к земле. Чтобы сократить путь к главному входу, Кира пролезла через проволочную сетку, чуть не зацепив платок на голове, и поторопилась войти в здание.

Внутри, за входной дверью, был маленький тамбур с деревянной скамейкой, поджидающей здесь Киру каждый вечер. Справа и напротив входа были две массивные железные двери к цеху, а с другой стороны находилась лестница, ведущая к раздевальным и душевым. Какое-то время Кира не слышала ничего, кроме тихого жужжания где-то за железными дверями, но вскоре ботинки рабочих застучали по ступеням, и постепенно, друг за другом, мужчины и женщины выходили через тамбур на улицу.

Одним из первых среди них показался отец Киры, высокий, с влажными редкими волосами, на которых пробивалась седина, щетинистым подбородком и усталым взглядом за круг-

лыми очками. На нём была свободная рубаха, не застёгнутая до верха, рукава засучены вверх, а на удивительно крепких для такого худого человека руках проступали ссадины и пухлые вены. Увидев дочь, Васильев подошёл к ней и потрепал по плечу. Его усталое лицо осталось прежним и не изменилось бы, предстань перед ним обычный рабочий или сама Юнона Роза.

– Вечер, Василёнок, – сказал он, – Как на работе?

Отец перевёл взгляд на коробку рядом с девушкой, которую она неизменно приносила с собой, потянулся к крышке и, ехидно осмотрев содержимое, вытащил оттуда кусочек ржаного хлеба.

– Пап... Как же ужин? – Кира покачала головой.

Васильев начал жевать аффектиновый хлеб, утоляя голод, но это не мешало ему продолжать беседу.

– Анохин добрался? Как он?

– Добрался. Спасибо, что помог ему.

Кира опустила глаза со вздохом, понимая, о чём думают они оба.

– Нора делает всё возможное, ты же знаешь... А я так и стою в стороне. Как бесполезная банка. Я не целитель... Что я могу сделать?

Отец покачал головой и едва улыбнулся.

– Всегда можешь вернуться на фабрику, если заскучаешь.

– Ну уж нет...

– Тогда не вешай нос, боец.

Кира взглянула в глаза отцу, и ей хотелось верить ему, пусть он ни капли не понимает в её деле и даже не представляет, как сложно удерживать людей на грани жизни и смерти. Знаний, которые Кира получила от Норы в процессе работы, было недостаточно, чтобы она смогла сама что-то изменить.

– Ты думаешь, белоносы понимают больше нашего? – усмехнулся Васильев.

– Белоносы... – Кира закатила глаза, – Всё ещё их так зовёте? Между прочим, Нора – одна из них. Она родом из Столицы, но прямо сейчас занята тем, что не даёт нашим людям погибнуть зря.

– Кто ж её знает... Может, выгнали её, так что ж остаётся? Не доверяю я столичным, ой не доверяю... Ну а ты что? Всё ещё метишь туда?

– Куда это?

– В Столицу. Что, уже забыла? Сама говорила, что через месяц вступительные в этот твой... как бишь его?

– Сальварен.

– Во, точно, – кивнул отец, – Знаешь, если б лекарство было, так Серхат бы не возил сюда эти склянки розовой мечты, а продавал бы это лекарство нам на здоровье. Пускай по двойному ценнику, что ж... Брехня всё это. Никто не знает, чего с ней делать. Так что нечего тебе брать это в голову. И не вини себя.

– Тот, кто имел шанс и ничего не сделал, всегда будет виноват.

Кира думала об этом каждый день. Но далёкий Сальварен, институт целителя в Капа-бланке, где Нора обучалась своему мастерству, оставался лишь несбыточной мечтой. В этом году Кире исполнилось восемнадцать, но она всё ещё чувствовала себя незрелой девчонкой, которая верила, что найдёт способ стать целителем, как Нора, и помочь своим людям.

Недавно за ужином, когда семья собралась за столом над боксом «три на четыре», Кира сказала о том, что хочет поехать в Капабланку, чтобы стать целителем. Брат с отцом не смогли удержаться от смеха, и этот звук, так редко слышимый в доме, быстро погасил внутренний пыл Киры. Ожидаемо. Эта идея лишь казалась ей удачной, но даже после того вечера навязчивая мысль продолжала жить в её голове.

Тем временем из раздевальной спустился Ян, и Кира смогла отвлечься. Её брат развязно встал рядом с отцом, положив руки в карманы брюк, и устремил смелый взгляд тёмных глаз на сестру.

Парень не показывал усталости, хотя его голову после смены одолевала жуткая боль. Руки Яна с выпирающими венами еле заметно подрагивали от остаточного напряжения, тёмная майка облегла жилистое худое тело и обнажала сильные плечи. Каждый день ему приходилось таскать тяжёлые мешки с кварцевым песком, поднимать большие листы стекла, долго размешивать горячую массу для заготовок в огромных чанах – руки всё время были заняты делом.

– А-а, вот и наш трудяга, – протянул с улыбкой Васильев, – Сегодня постарался на славу, сын.

Кира лишь приподняла бровь, не понимая, за какие такие заслуги её брат удостоился похвалы от отца.

– Благодаря ему закончили спецзаказ раньше срока. А ведь пришлось заменять Анохина и работать за двоих. Зато поезд уже мчит в Столицу, а нам обещают удвоить выплаты за эту поставку.

Ян усмехнулся.

– Учитесь, пока я жив.

Кира постаралась улыбнуться в ответ на хорошие новости, но голод понемногу давал о себе знать...

Всю жизнь Ян работал на фабрике вместе с отцом. В детстве они с Кирой были хорошими помощниками стекольщикам: носили инструменты, делали уборку, рисовали и расклеивали предупреждающие таблички, если старые приходили в негодность. В общем – делали всё, на что были способны детские руки. В четырнадцать Яну стали поручать более серьёзную работу, отец обучал его своему мастерству, рассказывал о технологии изготовления стекла, уделял много времени технике безопасности. В шестнадцать лет он работал не меньше остальных в бригаде. Разница в пять лет между братом и сестрой стала ощущаться сильнее. Кира оставалась лишь помощницей, пока в свои четырнадцать не отправилась в подмастерье к матери, которая занималась декорированием стеклянных изделий. Это занятие оказалось для Киры сложным и неинтересным, а выполняя лишь мелкие поручения, она не чувствовала себя полезной. Когда ей было шестнадцать, жители района при стекольной фабрике узнали, что на Периферии оказалась столичная целительница, которая с их помощью решила открыть Дом содержания. Казалось, что звёзды на небе наконец сошлись, и из далёкой Столицы к Кире пришло спасение. Нора согласилась взять её под крыло и обучать исцелению.

От Норы Кира и узнала, что в Капабланке есть университет, куда юноши и девушки могут поступить, если хотят связать свою жизнь с определённым родом занятий. Столичные дети с ранних лет обучаются в школах при Юнивере, а родители могут обеспечить им любое будущее – с помощью связей, денег и прочих методов. Нора говорит, что большинство детей, правда, не заканчивает даже школу – находят себя в чём-то более привлекательном и интересном. Но Кира отдала бы всё за такую возможность. Она жила среди людей, далёких от идеалов Капабланки, но довольных тем, что имеют. Другой жизни они просто не знают. В отличие от брата, Кире было трудно с этим мириться.

Ян присел на скамейку рядом с сестрой. Он протёр лоб рукой, откинув назад слегка влажные светлые волосы, и наклонился вперёд, опершись локтями о колени.

– Когда станешь целителем, придумай мне какую-нибудь таблетку, чтоб башка никогда не болела.

С тех пор брат не упускал случая подколоть Киру. Она лишь устало закатила глаза.

– У вас двоих что, солнечный удар? Всё об одном...

Увидев маму на лестнице, Кира на время отпустила сумбурные мысли. Вита Васильева, худая женщина с морщинками на добром лице, чуть слышной походкой подошла к семье. Она

погладила Киру по волосам, таким же светлым и кудрявым, как у неё, легко коснулась плеча Яна, и он поднялся со скамейки, возглавив путь к выходу.

– Идём? – сказала Вита, заметив, что Кира медлит.

– Ага.

Она поднялась на ноги, забрав с собой коробку, и постаралась отмахнуться от усталости. Этот день должен был закончиться точно так же, как тысячи других прожитых дней.

Солнце стремительно садилось, поэтому дежурные автобусы быстро заполнились рабочими. Сменяясь по очереди каждый день, они сами возили друг друга от фабрики к дьюту. Васильевы сели в один из последних автобусов, поджидающих пассажиров, которые тесно набивались внутрь. Машины завелись и, поскрипывая, направились длинной сороконожкой к дьюту по пустынной дороге.

В автобусах были большие окна, позволявшие наблюдать пейзажи Периферии по пути к дому. На много километров вдаль растянулись серо-жёлтые равнины, поросшие сухой травой. Колоски ковыли золотились лучами уходящего солнца – на ветру они переливались то белым, то красным цветом. На дороге поднималась пыль, летящая с песчаных пустошей. Никто из рабочих не обращал внимания ни на переливы полей, ни на розовое небо, с которого медленно скатывался белый диск солнца.

Васильев был задумчив. По дороге он не прикрыл даже глаз. Кира тоже не смогла вздремнуть.

Ближе к дьюту вдоль дороги стали появляться высокие столбы фонарей, связанные между собой чёрными нитями проводов. Свет пробивался сквозь вечернюю мглу, не давая уставшим водителям затеряться. Скоро автобусы въехали в бетонную арку серого дьюта номер 95. Пятиэтажные коробки домов стояли кругом, образуя стену и большой двор внутри. Свет горел лишь в одном окне – на первом этаже дома, откуда через минуту появилась женщина, ведущая за собой семерых детей.

Это была сиделка Леер. Она следила за маленькими детьми, которые ещё не могли работать, пока их родители были на смене. Остановившись, автобусы быстро опустели, семьи воссоединились, и все разошлись по квартирам, чтобы насладиться приёмом пищи и набраться сил для завтрашнего рабочего дня.

Васильев с Яном пришли к столу позже. Ни Кира, ни её мама не догадывались, что задержало их – впрочем, в этом не было ничего необычного. В дьюте тоже было полно забот.

Кира быстро разделалась с ужином и уже хотела встать из-за стола, но отец вдруг остановил её.

– погоди, присядь, – задумчиво сказал он, – У меня... идея.

Все члены семьи устремили взгляды на Васильева, но тот лишь вытер ладонью рот и молча вздохнул.

– Что за идея? – не выдержала Кира.

Васильев отодвинул свою тарелку прочь и сложил руки в замок. Больше медлить он не мог.

– Ты должна поехать в Столицу.

На минуту в квартире воцарилась тишина, и только слабое гудение лампочки нарушало её. Васильев переглянулся с сыном.

– Подожди, Илья, что это значит? – произнесла Вита.

– Не влезай, пусть сама примет решение.

Кира смерила взглядом каждого, молча пытаясь разобраться в том, что происходит. Мама была поражена новостью, а Ян лишь продолжал есть. Конечно, он всё уже знал, отец обсудил это с ним заранее. Ей было бы легче думать, что эти двое просто замыслили за её спиной какой-то бессмысленный розыгрыш, но, кажется, отец говорил серьёзно.

– Такие решения не принимают на полный желудок, – покачала головой Кира, списав это на резкий подъём чувств.

– Я всё обдумал. В день экзамена Ян поедет с тобой. Чеканок отложим с завтрашних выплат, хватит вам двоим на дорогу.

– И ты согласился? – выпалила Кира, глядя на брата.

Он пожал плечами, не выражая ни единой эмоции. Этого следовало ожидать.

– Вы спятили, – продолжала Кира, – Да вы же ненавидите Столицу... Мы просто остаемся без денег...

– Послушай, Кира, если прорвёшься... если станешь целителем, кто знает, может, и правда сможешь спасти нас всех. Первый целитель родом с Периферии... Может, тебя им и не хватало, а? Ведь ты знаешь, зачем всё это... Эти белоносы никогда не поймут. Они и не посмотрят на нас. Для них мы как бельмо на глазу. Так докажи им, что мы ничем не хуже.

Кира не спускала глаз с отца, и чем дольше он говорил, тем сильнее разгоралась искра внутри неё.

– Это того стоит, – завершил он, – Решение за тобой.

Теперь все взгляды были устремлены на Киру. Её глаза заблестели от мысли, что всё, что говорит отец, может стать реальностью. Голова затуманилась то ли от хлынувшего в кровь аффектина, то ли от поднявшейся температуры, и она не понимала, что ей мешает прямо сейчас ответить «да». Но отец был прав, стоило попробовать, ведь это могло полностью изменить их жизнь.

– Но что, если не получится?

– Получится. Мы будем верить, – коротко сказала Васильева.

Кира улыбнулась, взглянув на мать. До этой секунды она не понимала, как сильно ей нужны были эти слова.

– У чеканки две стороны, сестричка, – вдруг добавил Ян, – В любом случае, поездка нам на пользу.

Он пожал плечами. Кира не верила, что эти слова и правда произнёс её брат. Ему самому с трудом верилось в то, что они решатся на этот шаг, но и он говорил серьёзно.

– Ты правда поедешь со мной?..

– Поеду, – снисходительно ответил Ян, – Хотя у меня нет никакого желания там быть. Что поделаться... Нельзя же отпускать тебя в одиночку.

Выходит, все были согласны, а она всё не решалась. Кира почти получила желаемое, и всё же ощущала ком в горле. Казалось, будто она собирается бросить семью, потратив все деньги, предать традиции и пойти против всех правил. Над Кирой нависла ответственность, ведь если она не оправдает их ожиданий, если случится так, как она боится, и если Капабланка окажется такой, какой её представляет отец... Бесконечные «если» жужжали роем в её голове, но все эти предположения были бесполезны. Значение имело лишь здесь и сейчас. И Кира поверила, что мечта окажется сильнее предрассудков. И тогда её семья ни в чём не будет нуждаться.

– Ну и... когда же мы едем?

Глава 3

Белый фартук был снова на месте. Волосы собраны, засучены рукава. Вооружившись баночкой аффлектина, Кира приступила к утреннему обходу. Сегодня ей нужно было провести четырёх пациентов. После обхода Милосердные собирались в кабинете Норы, чтобы дать отчёт, и целительница назначала новые меры лечения при необходимости.

Долгое время Нора, открыв Дом содержания, занималась всеми делами в одиночку. Разумеется, пациентов тогда было меньше – весть об открытии разлетелась по Южной Периферии не сразу, многие боялись обращаться к столичной девице или вовсе не видели смысла в чужой помощи. Люди приходили с самыми разными запросами: боль в спине, мигрень, ожоги, ранения, кашель – с большинством проблем Нора справлялась, доставая лекарства из Столицы с помощью посредников, таких как Серхат, или назначая процедуры для выздоровления. Некоторые запросы и вовсе не требовали более, чем подручных средств и немного знаний об исцелении. Но такие пациенты у неё не задерживались.

Первые тяжёлые случаи принесли Норе не мало испытаний. Перелом или болезнь лёгких – и рабочим приходилось отказываться от работы, оставаться в Доме под присмотром целителя, думая, что всё для них теперь потеряно. Однако сколько бы её ни звали белоносыком, как бы ни сомневались в ней, Нора ставила пациентов на ноги спустя время и настаивала на том, чтобы те снова нашли работу. Среди тех, в кого Норе удалось заново вдохнуть жизнь, была и старшая Милосердная. Ханна всю жизнь работала на мельнице. В один из особенно холодных дней во время покоса она простудилась, заработав себе гулкий кашель. Ханна не скоро поняла, что дело вовсе не в мучной пыли, попадавшей в глотку. Сопровождающий её с того дня жар в теле невозможно было терпеть и дальше, и Ханна была вынуждена искать помощи в Доме содержания.

Там женщина наблюдала, как целительница управляет со всем сама. Даже ночью она слышала тихие шаги Норы в коридоре, спала на свежих простынях и просыпалась в прохладной палате, не замечая палящего солнца за окном. Оставалось догадываться, как Нора успевает ходить за всеми и как долго она сможет справляться с делами в одиночку.

На третьей неделе Ханне стало легче, после выздоровления пришла пора возвращаться на работу, однако навсегда покинуть Дом содержания она уже не смогла. Ханна узнала, что потеряла своё место на мельнице, и, недолго думая, решила остаться помощницей Норы, став её первой ученицей, несмотря на то что была вдвое старше целительницы.

Все Милосердные быстро принялись за дело. Ханна, дав задание самой юной из них, пятнадцатилетней Евочке, убежала по лестнице вверх к своим пациентам. Ева перебрала карточки в руках, выдав четыре из них Кире. Она работала здесь с недавних пор, последовав за Ханной, как только ей пришлось найти более серьёзную для подростка работу, чем помощница на мельнице.

– У нас новенький? – спросила Евочка, глядя на карту Анохина.

– Ага, – кивнула Кира, – Он из моего дьюта.

– Так ты его знаешь?

– С детства. Он работает с моим отцом. Ну... работал.

– Хорошо, что именно ты будешь навещать его. Может быть, это поможет ему поправиться.

Ева протянула Кире карточку тонкими пальцами и сжала бледные губы в подобие улыбки. Она смотрела на Киру голубыми наивными глазами, обрамлёнными длинными ресницами, и взгляд этой девочки был таким светлым и пронзительным, что никто не смел разрушать её веру. Кира кивнула, взяв карточку, и сдержанно повторила:

– Может быть...

Пусть их желания были далеки от реальности, вера объединяла Милосердных. Нельзя было от неё отказываться.

Расставшись с Евой, Кира приступила к работе и начала обход с конца коридора, где находилась палата номер 1. Она неслышно вошла туда, взглянув на двух пациенток.

Казалось, эта комната застыла во времени – ничего в ней не менялось с тех пор, как Дом содержания открылся, а две старухи, не покидавшие свои постели, жили на грани с вечностью и забвением. Вдохнув, Кира посмотрела на них: женщинам было за шестьдесят, но флегма состарила их так, что они казались древними, пожилыми, словно каменными статуями сестёр-близнецов, охраняющими ворота в прошлое. Старухи лежали в одинаковых позах. Их тонкие, жилистые руки, покрытые коричневой высохшей кожей, покоились на одеяле вдоль туловища, воротнички сорочек обнажали худые шеи с тёмными пятнами и выступающими косточками, сухие губы были обрамлены застывшими морщинами.

Старуха на левой кровати лежала с закрытыми глазами и чуть заметно дышала. Её чуткие уши слышали шаги Киры, но она оставалась неподвижной. Старуха на другой кровати, в отличие от сестры, не делала вида, что спит. Она смотрела в окно, хоть оно и было закрыто занавеской от утреннего солнца. Кира, как и обычно, поспешила открыть его, впуская тёплый свет, а потом подошла к первой кровати.

– Утро, Ифа. Поднимайся, будем завтракать, – сказала она старушке, что лежала слева.

Ифа не открыла глаз, но зашевелила пальцами и вдруг зевнула. Лекарственный отвар, который Нора готовила по вечерам, хорошо убаюкивал пациентов. Кира принесла с собой два небольших бокса с едой для содержащихся в Доме. Она помогла Ифе приподняться на подушке и дала ей завтрак.

– Прекрасная погода... – слышалось с другой стороны.

Пожилая женщина продолжала смотреть в окно и тихо говорила это, повторяя слова снова и снова. Не обращая внимания, Кира подошла к ней и тоже дала тарелку с завтраком. После этого она поставила галочки в картах, сменивших уже десятки прежних таких же, и засунула их в карман.

– Какой красивый лес...

– Имани, на что это ты смотришь? – заинтересовалась Кира у старушки, что лежала у окна. Она знала, что та не услышит её, поэтому подошла к Имани и слегка дотронулась до её жилистой руки.

– Лес зеленеет и птички поют... Поют, а? – её вопрос был брошен в пустоту. Не дожидаясь ответа, старушка продолжила бормотать, – Нич-чё не слышу...

Имани всегда видела «прекрасные» картины в окне, и Кира каждое утро слушала о причудливых, порой неизвестных ей вещах, ведь за окном были лишь пустынные степи и виднелась дорога к фабрикам. Иногда Кире хотелось попросить старуху рассказать побольше, чтобы она тоже смогла представить эти картины, но расспросить её обо всём было невозможно. Имани уже потеряла слух.

– Птички да птички... Она снова за своё?..

Кира перевела взгляд на Ифу. Та конечно не видела никаких жестов девушки, но знала, что говорить ей больше не с кем. Ифа немного помолчала, но потом слегка свесила голову в сторону Киры и кивнула.

– Всё представляешь, сестра? Это я незрячая, а ты шо ж не видишь ничего? Не помнишь, где живёшь? – Ифа усмехнулась, – Подошли уже твои птички.

Имани молчала. Слов сестры она тоже не слышала, но чувствовала, что та говорит с ней. Киру удивляла их особая связь. Поначалу ей трудно было управляться с глухой и слепой пациентками, но со временем удалось приловчиться. Старушки уже привыкли к Кире, каждое утро ждали её появления. Вдобавок порой им очень не хватало чуткого слушателя, ведь речь – это единственное, чего болезненная старость пока их не лишила.

– Кира, это ты? – вдруг отвернулась от окна Имани и взглянула на девушку, словно только теперь очнулась ото сна.

– Кто ж ещё? – махнула рукой Ифа, – Юнона Роза?

Старушки повернулись друг к другу и медленными движениями рук и губ стали о чём-то беззвучно спорить. Кире понравилось мгновение их оживления. Она достала две розовые таблетки из пузырька, налила в чашки тёплой воды и принесла сёстрам.

Приняв аффектин, старушки продолжили своё «общение». Кира помотала головой, засушила рукава и продолжила заниматься делом. Она отнесла лишнюю посуду, потом поставила новые охлаждающие компрессы, отключив в комнате ночной обогрев, и стала поправлять подушки под спинами старушек.

– Вы помните Юнону? – спросила Кира, не ожидая услышать из уст Ифы имя правительницы Юнии.

– А то-о, – протянула старуха.

Имани ничего не слышала, но видела возникшее любопытство Киры. Она слегка постучала по пустому месту на кровати рядом с собой, приглашая девушку сесть и послушать рассказ её сестры.

– Помню её молодой, красивой... и такой смелой... Мы с Имани её знали, да... Жилось нам тогда страшно. А Роза заставила нас позабыть об этом страхе. Мы стали жить в Юнии, вместе строить мир заново...

– Сколько же ей лет? – проговорила Кира, – Ведь она до сих пор правит...

– Нет её, – коротко вздохнула Ифа.

– Птицы не поют, – вдруг сказала Имани, хоть и не слышала сестру.

– Не поют, – согласилась Ифа, кивнув седой головой, – Где ж всё то, что построила Роза? Я уж никогда этого не увижу. Да знаю, никакого зелёного леса за окном уже давно-о нет.

Ифа замолчала. Имани взглянула на сестру, медленно сжав губы. Она слегка хлопнула Киру по руке, покачав головой, и отвернулась к своему окну. Аффектин действовал на них недолго. Кире оставалось лишь вздохнуть и оставить старушек, продолжив утренний обход.

Ни у кого уже не было надежды на то, что сёстры поправятся: Ифа и Имани были больны давно, флегма почти поглотила их, превратив в тихих, недвижных призраков, обитающих в первой палате. Нора не могла помочь им, но не смела прогнать. Она пообещала продолжать попытки продлить их жизнь, пока они этого желают.

Старушки не хотели покидать Дом содержания. Они одни из немногих на Периферии, кто сумел дожить до таких лет, кто помнит Юнию Розы со дней основания и то, что было до неё. Глядя на то, как погибал целый мир, всю жизнь укрываясь от смерти, наступающей на пятки, они не хотели встречаться с ней лицом к лицу. Достигнув долгожданного покоя, сёстрам было трудно с ним расстаться. Ифа делилась историями и знаниями с Норой и Милосердными, а Имани вспоминала былые времена. Старушки стали частью маленького мира этого Дома и уже никогда не покинут его по своей воле.

Кира отправилась дальше. Ей предстояло навестить вчерашнего новенького, проверить его состояние, хотя она знала, чего стоит ожидать. Первые дни наедине с болезнью, в этих серовато-зелёных стенах, были особенно тяжёлыми для содержащихся. Кира вошла в палату, что недавно освободилась для нового пациента. Комната ничем не отличалась от предыдущей, за исключением отсутствующей второй кровати. Анохин спал, свернувшись под одеялом от прохлады. Кира заметила, что охлаждение в комнате слишком сильное, и поспешила отрегулировать температуру. Она раздвинула занавески, чтобы впустить солнечные лучи, которые нагреют комнату в считанные минуты.

Мужчина скоро открыл глаза, безрадостно посмотрел на Милосердную, которая хлопотала над утренней порцией его еды и таблеток, и приподнялся. Сон быстро отступил, но его глаза оставались прикрытыми, а синяя кожа под ними западала всё глубже. Кира, прежде чем

дать пациенту завтрак, начала проводить осмотр. Она постаралась заговорить с ним, но ответы Анохина были краткими. Кира внимательно осмотрела его глаза, зрачок реагировал на свет маленького фонарика всё так же неохотно. Температура осталась в норме, нервные импульсы конечностей были в строю. Со вчерашнего дня его состояние не ухудшилось. Но и не улучшилось.

Кира записала нужные данные в карточку, после чего принесла Анохину утреннее подкрепление – зерновую кашу с аффектином, сладкий напиток и розовую таблетку. Рабочий нехотя посмотрел на свой завтрак. Кира заметила пропажу аппетита и отметила симптом в записях, после чего таки убедила пациента поесть.

Следом девушка отправилась в палату номер 4, где уже несколько недель содержался шахтёр Острин. *Бывший шахтёр.*

Кира подошла к двери, опутив взгляд на свой фартук, в карманах которого она искала карточку Острина. Внутри комнаты почему-то было светло – внезапный луч солнца из-за двери заставил Киру поднять глаза. Палата оказалась совершенно пуста. Кира застыла на пороге, оглядывая комнату: окно было открыто настежь, на постель небрежно наброшено одеяло, сверху лежала мягкая сорочка, а занавески колыхались от ветра, проникающего с улицы. Казалось, кто-то влез сюда через окно, оставив лёгкий беспорядок, и забрал мужчину куда-то далеко – туда, откуда нет обратной дороги. Нетрудно было догадаться, кто это был – сегодня ночью в Дом содержания проникла флегма и унесла с собой очередную жертву, подарив билет на поезд в один конец.

В комнате было так тихо, что Кира слышала учащённое биение собственного сердца. Её взгляд быстро пробежал по комнате раз за разом – ей хотелось увидеть пациента спрятавшимся где-нибудь в углу палаты или скрывшимся за шторой, но Острин теперь был лишь призраком, неуволимо растворившимся в воздухе. Кире не хотелось верить в это, но реальность не оставляла выбора.

Осознав наконец, что произошло этой ночью, она словно очнулась от страшного сна, вернувшись в кошмар действительности. Кира быстро закрыла дверь и побежала по коридору в поисках Норы. Кабинет целительницы не был заперт, но внутри её не оказалось. Кира поняла, что Нора тоже, вероятно, отправилась на обход пациентов, и ей повезло, что палат в Доме содержания было немного. Она побежала вверх по деревянной лестнице, ступая тихо и стараясь не нарушить чужой покой. Нора показалась в коридоре второго этажа – она как раз закончила со своим пациентом и медленно выходила из палаты, держа в руках стопочку бумаг и пустые коробки от завтрака.

Кира подбежала к ней, сумев вовремя остановиться, чтобы не столкнуться с девушкой и не выбить из рук все её вещи. Нора приподняла брови, оглядывая Милосердную, что старалась восстановить дыхание.

– Что стряслось? – спокойно спросила Нора, закрывая дверь палаты.

– Тебе лучше самой это увидеть...

Нора хмыкнула с возникшим интересом и подступающей тревогой. Она кивнула в сторону лестницы, позволяя Кире вести её к нужному месту.

– Это четвёртая палата, Ник Острин, – между делом сказала Кира по пути, – Ещё вчера всё было в норме, я имею в виду – никаких ухудшений состояния, отличный аппетит. Жаловался только на то, что мы его слишком хорошо кормим... Не понимаю...

Когда они дошли до нужной палаты, Кира распахнула дверь и отошла, дав Норе увидеть опустевшую комнату, залитую пугающим светом.

– Ещё один ушёл, – произнесла Нора, сдержанно констатируя для себя этот факт.

– Почему они делают это? – из-за спины тихо спросила Кира, – Ты поднимаешь людей на ноги, возвращаешь к жизни... Ты даёшь им всё...

– Я не могу дать *всё*, Кира. В этом и дело.

- Думаешь, ему чего-то не хватило?
- Надежды. Люди перестают верить. Поэтому они уходят.

Нора вздохнула и мягко закрыла дверь палаты, пригласив Киру пойти в её кабинет. Это далеко не первый случай «ухода». Пациенты порой принимают собственное – тяжёлое – решение добровольно покинуть Дом содержания. Они думают, что лишь обременяют Милосердных. Ценность собственной жизни в их глазах падает с каждым днём, а количество таблеток, способных поддерживать в них силы, только растёт.

Нора не раз переживала подобное начало дня. После решающей для кого-то из содержащихся ночи она заходила в палату и обнаруживала, что там больше никого нет. Эти пациенты не возвращались, о них не было слышно ни в дыотах, ни на фабриках. Лишь однажды для Норы оставили записку с благодарностью за заботу и просьбой не искать того, чья жизнь безнадежна.

Конечно, Кира знала об этих случаях, но ещё никогда ей не доводилось сталкиваться с этим самой. Увидеть опустевшую палату, которую покинули добровольно – знать, что тот, кто должен был как обычно принимать лекарства и проходить осмотры, отправился навстречу неотвратимой судьбе. Скорее всего, Ник Острин был ещё жив, однако не стоило ожидать его возвращения. Он принял своё решение.

– Что, мы совсем ничего не можем сделать? – не унималась Кира, хоть и знала ответы на свои вопросы. Она не хотела предаваться отчаянию.

– В первую очередь, мы должны уважать тех, кто приходит к нам. И мы вынуждены мириться с их решениями.

Нора положила вещи на стол и опустилась в своё кресло, подперев отяжелевшую рыжую голову рукой. Кира устремила на неё взгляд и приземлилась на стул напротив, но целительница не смотрела на помощницу – она закрыла глаза, погрузившись в собственные мысли. Какое-то время они молчали, всеми силами стараясь принять случившееся и вернуть былой рабочий настрой.

– Это не наша вина, Кира, – сказала Нора, вдруг заметив её неподвижное лицо, – Тебе нужно это принять. Тот человек сделал выбор. Подумай о тех, кого ещё можно спасти.

Кира кивнула. На минуту она задумалась о словах Норы. Они звучали так холодно и твёрдо, словно девушка скрывала за ними истинные мысли. Возможно, Нора убеждала в этом саму себя каждый раз, когда её пациенты на утро исчезали.

– Думаешь, Острин тоже отправился туда... на Украину? – спросила Кира, вынырнув из раздумий. На неё вдруг нашёл мрачный вид.

- Полагаю, больше идти ему некуда.
- Это странно, но... мне интересно, что там происходит...

Нора пожала плечами, доставая из ящика склянку розовых таблеток. Она быстро бросила в рот одну из них и, снова взглянув на уставшее лицо Киры, предложила ей аффектинку.

– Интересно? Что ж, организую тебе отпуск – сходишь на экскурсию, – внезапно Нора улыбнулась, жестом предлагая смелее взять таблетку аффектина, – Бери, иначе не дотянешь до обеда. Или четвёртая палата освободилась для тебя?

Кира, поджав губы, взяла таблетку и выпила её с тёплой водой из кувшина. Нора была права – чистый аффектин оказался ей необходим, но Кира так редко принимала его, что теперь ей казалось, будто этим она нарушила какое-то правило. Глядя на лицо Норы, с которого постепенно сходило напряжение и усталость, она постаралась переубедить себя. В аффектине нет ничего плохого. Все жители Юнии нуждаются в нём. Киру лишь подстёгивала острая мысль о том, что в мире есть сотни людей, которым эта таблетка была бы нужнее. Но целительница приглядывала не только за пациентами, но и за своими Милосердными.

– Так-то лучше, – проговорила она, увидев облегчение на лице Киры и её просиявшие глаза, – Ни о каком исцелении людей не может идти речи, если сам целитель выглядит как сбежавший с Украины...

Нора игриво улыбнулась, стараясь отвлечь помощницу от тяжёлых мыслей.

– Ты права, – кивнула Кира, убирая пряди волос за уши, чтобы выглядеть опрятнее, – Мне уже лучше. Кстати, насчёт отпуска...

– Не волнуйся, я только пошутила.

Кира, конечно, не восприняла те слова всерьёз, но теперь ей хотелось поговорить не об Украине или её обитателях, а о той новости, что заставляла её неровно дышать и всё время занимала мысли.

– Мне и правда понадобится отпуск, – продолжила Кира, – Отец разрешил мне поехать в Капабланку...

Услышав имя родного города, Нора вдруг расцвела в улыбке. Её глаза удивлённо засияли, глядя на Киру, которая мечтала когда-нибудь вот так заявить об этом. Взгляд Норы опустился и руки сжались.

– Прекрасная новость, – с мягкой улыбкой сказала она, – Знаю, как ты этого хотела... И раз вы так решили, то поезжай. Дам тебе время на обучение, лет через шесть-семь увидимся. – Она усмехнулась.

– Шесть-семь? – Кира вздёрнула брови, – Ты никогда не говорила мне, что училась так долго...

– Но я и не училась «так» долго. Это длинная история, когда-нибудь расскажу. А пока наберись терпения. Оно тебе понадобится.

– Не могу поверить, что я и правда научусь исцелению... А потом вернусь и открою свой Дом Содержания. Я буду как ты...

– Нет, – мотнула головой она, – Ты будешь лучше.

Целительница серьёзно посмотрела на девушку, демонстрируя твёрдость своих слов. Мысли Киры поражали её, заставляя верить, что она не одна. Верить, что когда-нибудь они смогут всё изменить. Но от высоких устремлений и мечтаний, которые приходилось прятать глубоко внутри, Нора быстро вернулась на землю. Впереди ждали обыденные ежедневные дела.

– Не будем забывать, зачем мы здесь. Прошу, навести ещё одну палату, которую я не успела. Мне придётся уладить некоторые дела...

Кира кивнула, убрав руки за спину. Она была готова уходить, но Нора остановила её ещё одной просьбой:

– Да, отдай мне, пожалуйста, карту Острина...

Вздыхнув, Нора взглянула на серую карточку с заметками Киры и собственными записями. Карандашом целительница решительно вычеркнула имя сверху, открыла один из ящиков стола и положила её в стопку с десятком таких же «вычеркнутых», потерянных навсегда, периферийцев.

Глава 4

С тех пор, как Кира сообщила Норе воодушевляющую новость о возможности поступить в Сальварен, прошёл месяц. Теперь будущая целительница готовилась отправиться на подземном поезде навстречу своей мечте. В этот день всё было по-другому. Кира не могла перестать думать о том, что её ждёт, то и дело отвлекаясь на собственные мысли. За прошедший месяц Нора научила её всему, что могло помочь девушке в поступлении, так что Кире не стоило сомневаться в себе.

В конце смены, когда Ева и Ханна вышли из кабинета и вместе отправились в свой дьют, Нора задержала Киру у себя. Она достала из шкафа одну из своих книг в мягком переплёте.

– Возьми, вдруг заскучаешь в поезде...

Нора протянула потрёпанную книгу, больше похожую на журнал из-за небольшой толщины, и Кира стала её разглядывать. На обложке не было ни надписей, ни рисунков, большинство страниц книги тоже оказались пустыми, а на заполненных Кира заметила имена и абзацы текста, написанного от руки, и потому неразборчивого с первого взгляда.

– Это не похоже на медицину...

– Я знаю.

Лёгким движением руки Нора заставила Киру закрыть книгу и хитро наклонила голову, решив ничего не объяснять. Она уже давала Кире некоторые книги по исцелению, которые достала из Капабланки, но девушке было трудно понимать их. До этого она читала не слишком много книг, а учебники Норы были вовсе написаны будто чужим языком.

– Просто читай. Со временем ты поймёшь. Эта вещь – некоторая часть меня...

Сморщив лоб, Кира снова раскрыла книгу, всматриваясь в чёрно-белые строки, но, как и ожидала, никакой Норы и её *частитам* не нашла. Она пролистала страницы с приятным шелестом и закрыла журнал, решив разобраться с этой загадкой потом.

– Мне будет тебя не хватать, – сказала Кира, крепко сжав книгу в руках, – Но я вернусь как можно скорее.

– В таком случае, до скорой встречи, – усмехнулась Нора с влажным блеском в глазах. Она представила себе, как бы прошло расставание, если бы аффектин ещё не рассеялся в крови... Слёзы и долгие объятия. За годы работы вместе они успели привыкнуть друг к другу. Несмотря на тяжесть расставания, обе девушки были убеждены, что это стоит того.

После смены Кира отправилась в лавку Серхата. Следовало запастись едой в дорогу, но и не оставить голодными родителей. Серхат, вытянувшись, стоял у прилавка с аффектином и поправлял розовые баночки, ожидающие покупки. Хозяин любил, чтобы пузырьки стояли друг рядом с другом, образуя идеально ровную линию. Прилавков с аффектином больше напоминал декорацию, на которую покупателям можно было лишь смотреть.

– Мисс Кира! Добрый вечер, – поздоровался Серхат, заметив посетительницу, как всегда на столичный манер.

– Вечер, – кивнула Кира, направившись к застеклённому прилавку с едой.

Серхат поспешил за ней и уже был готов взять оттуда бокс «три на четыре», но увидел задумчивое лицо девушки, которой впервые предстояло изменить список покупок.

– Парочку боксов «три на два», пожалуйста.

Продавец был слегка сбит с толку.

– Кира, у вас что-то случилось? – встревоженно поинтересовался он.

– Случилось, – без раздумий ответила девушка, – Мы с братом едем в Столицу.

– Это же чудесная новость!

Кира коротко рассказала о цели своей поездки. Серхат довольно покачал головой и спешно собрал её заказ. К коробкам с едой он добавил маленький розовый пузырёк.

– Я это не просила, – тут же стала возражать Кира, заметив излишек в покупке.

– Это подарок, мисс.

Серхат сверкающе улыбнулся. Сжав губы, Кира осторожно взяла еду и аффектин, как обычно лишь кивнув продавцу в знак благодарности, и покинула лавку. Автобус уже поджидал её у магазина – Васильев одолжил машину, чтобы привезти семью на посадочный пункт.

Увидев родителей, Кира обернулась и взглянула на здание лавки, из которого вышла. Она задумалась о том, что теперь её обязанности должен будет выполнять кто-то другой. Нора убедила Киру не брать эти мысли в голову, но они всё время возвращались, и только голос отца смог вытащить её из раздумий – стоило поторопиться.

Платформа для посадки на поезд находилась под землёй. Деревянная табличка над входом гласила: «ЮЖНАЯ-5 – КАПАБЛАНКА». Кира оставила коробку с едой в машине, чтобы родители могли забрать её на ужин, а рядом незаметно положила пузырёк с аффектином. Хотя это и был подарок для неё, родителям он был нужнее. Кира взяла свою сумку с вещами и выпрыгнула из автобуса на песчаную землю. Ян помог матери выйти.

Вокруг было пусто, день подходил к концу, и солнце медленно закатывалось за горизонт степи. Васильева осмотрела детей и подошла к Кире, взяв её руки в свои.

– Будь осторожна, – тихо проговорила она, – Не оставляй свой народ. И помни, ради чего ты здесь. – Женщина тяжело вздохнула, но лицо её оставалось спокойным. Она погладила Киру по голове и, переведя взгляд на Яна, добавила, – Пригляди за сестрой. И скорее возвращайся.

Дети кивнули матери, Кира сжала пальцы её рук, не желая отпускать. Они привыкли быть друг рядом с другом, и казалось, что, уезжая из дома, Кира поступает неправильно. Но её предназначение было где-то там, севернее, за тысячу километров отсюда, куда Киру неустанно тянуло.

– Не забывай писать нам, – сказала Васильева, зная, что в Капабланке есть почта и на Периферию оттуда приходят письма.

Кира часто закивала в ответ и, приняв усилие, отпустила руки матери. Отец махнул ей на прощанье с водительского сиденья, не став глушить мотор.

– Пора.

Ян легко обхватил Киру со спины и повёл к лестнице, ведущей вниз, к платформе.

Путь шёл глубоко под землю, где было тесно и холодно. Длинная вереница рельсов пролегла в туннелях для единственного пассажирского поезда в Столицу.

Внизу брата и сестру ждала крохотная тёмная платформа, несколько фонарей освещали каменную плитку на стенах, уходящую в полукруглый потолок. Посередине находился высокий зелёный столб часов со стрелками. Вокруг стояло несколько почти пустых лавочек. Тихо. Казалось, что каждую минуту был слышен скрип стрелки на циферблате. На перроне поезд ожидали ещё несколько человек, никого из них Кира не знала и могла лишь догадываться, зачем они купили билеты в Капабланку.

Девушка крепко сжала ремень своей сумки. Она смотрела туда, куда уходили рельсы – казалось, за этой платформой тянутся бесконечные витки неизведанной тёмной бездны, которая манит к себе и одновременно отталкивает.

– Придёт через минуту, – тихо сказал Ян, заметив нетерпеливость сестры.

Кира кивнула головой, отведя взгляд от чёрной пустоты туннеля. Она стала смотреть на часы, ждать становилось всё труднее.

Из туннеля вдруг донёсся поток ветра и обдал холодком ноги Киры, заставив колыхаться полы её платья. Наконец вдали послышался стук колёс о рельсы, с каждой секундой звук становился громче в своём стремительном полёте по туннелю и быстро достиг ушей ожидающих пассажиров. Скоро раздался приветственный свист. Платформа оживилась, когда все задвигались, делая медленные шаги к перрону.

Поезд гордо выехал на платформу, сверкая яркими фарами, словно нехотя задерживая здесь свой бег. Машинист остановил его, дав на посадку всего пять минут согласно расписанию. Блестящие красные вагоны открыли свои двери для пассажиров. Это был не тот поезд, какие Кира и Ян видели раньше сверху, не тот, что увозил в Капабланку стекольные изделия, нагруженный и пыхтящий чёрным дымом. Пассажирский поезд словно сам был уроженцем Капабланки, он сильно отличался от грузовых братьев-работяг. За стройным локомотивом с заострённым носом тянулись ярко-красные вагоны с квадратными окошками, окаймленными золотой отделкой. На каждом вагоне сверкали надписи с его номером. Кира взглянула на брата, и тот махнул головой в сторону поезда, приглашая сестру взойти на борт.

Внутри, у входа, стояла высокая девушка в прямой красной юбке до колен, белоснежной блузе и шелковом платке, повязанном на шее. Чёрная коса кругом обрамляла её заплетённую голову. Увидев девушку первым, Ян обратил внимание на необычайно яркие цвета на её лице – малиновые губы, розоватость щёк, серебро вокруг глаз – ему ещё не доводилось видеть никого подобного. Девушка представилась проводницей поезда, вслед пролепетав каждому из пассажиров о том, что будет сопровождать их в пути и постарается удовлетворить все потребности.

Проводница продала Яну и Кире два серебристых билета и жестом пригласила их пройти в вагон. Кира осматривала узкий коридор, следуя за братом маленькими шажками. По потолку вагона тянулись полосы тёплого света, на окнах висели алые бархатные занавески с золотой вышивкой, на полу лежал красный ковёр с причудливыми узорами из полос. Впереди вдоль стены виднелись пять купе. Ян с Кирой заняли одно из них. В купе было по два спальных места, на которых лежали полосатые одеяла и белоснежные подушки с оборками по краям. У окна с синими шторками был маленький столик с ажурной скатертью. Кире здесь показалось необъяснимо уютно, она приземлилась на одну из спальных полок, с облегчением бросив рядом сумку, и повернулась к окну, из которого виднелась платформа. Опустев, она казалось ещё более серой и одинокой, прощаясь с пассажирами и будто не ожидая их возвращения. Кира приложила к стеклу ладонь. Через минуту оно слегка задрожало, снова послышался свист от головы поезда и платформа перед глазами Киры стала медленно уплывать в сторону.

Купе в вагонах в основном пустовали. Соседями Киры и Яна оказались любопытные жители Капабланки, отважившиеся посетить Периферию и желающие скорее снова оказаться дома, парочка надзирателей, возвращавшихся с производственной проверки, почтальоны, передававшие письма, и кое-кто из сверстников Киры, кто тоже ехал в Столицу с целью попытаться удачи в Юнивере Капабланки.

Ян разлёгся на своём спальном месте, закинув ногу на ногу и подперев уставшую голову руками. Впереди ждала целая ночь в пути. Кира не могла расслабиться. Она перестала смотреть в окно, как только платформа скрылась из виду, и теперь там была лишь темнота с быстро мелькающими крошками света от туннельных ламп. Колёса отбивали по рельсам чёткий ритм. Поначалу Кире было не по себе от темноты за окном и непрекращающихся звуков в ушах, её тело шаталось от подёргиваний вагона и оставалось в напряжении, словно ожидая, что в какой-то миг поезд взлетит в воздух на такой большой скорости. Кира старалась убедить себя, что в этих мыслях совершенно нет логики – поезда под землёй ходят уже не одно столетие, а летать точно пока не научились. Она перестала сжимать одеяло под пальцами, поправила смятое место и, сняв ботинки, поудобнее разместилась на постели.

– Ян, ты не спишь? – спросила она.

– Нет, – ответил брат, повернув голову к ней.

– А я, кажется, да... Ты видел что-нибудь подобное наяву?

– Нет, не видел.

– Теперь ясно, почему билеты на поезд такие дорогие.

– Разве? И почему? Шторочки да оборочки... И за что именно мы должны были отдать столько кровных чеканок?

Кира вздохнула, переводя взгляд с одной вещи на другую, а глаза Яна стали закрываться под тяжестью прожитого дня. Стук колёс убаюкивал, и голос сестры постепенно сливался с ним.

– Не говори так. Дело не только в украшениях. Здесь... удобная постель...

– Да уж, постель явно стоила того, – пробурчал Ян, – Лёгкого тебе сна.

Ян отвернулся к стене, подбив подушку под голову, и больше ничего не сказал. В купе снова слышался только быстрый стук колёс.

Кира пожала плечами, вполне ожидая, что брат не поймёт её. Поговорить теперь было не с кем. Ничего не оставалось, кроме как вслед за ним лечь спать и скоротать бесполезное время в пути. Кира собиралась убрать свою сумку на пол, но увидела в ней торчащий краешек книжки Нору. Она достала журнал и положила к себе на колени. Свет в купе был приглушён, да и желания зачитываться вычурным текстом у Кира не было, но она всё же открыла книгу на первой странице. В начале был титульный лист, украшенный завитками по границам, а в середине красовалась надпись: «*Анника Нортис. Сальварен. Первый год.*»

Кира поняла, что книга, вероятно, принадлежала одной из студенток института целителя. Знала ли её Нора? Почему эта книга оказалась у неё? Вопросов становилось только больше, и Кира решила просто листать журнал дальше. На каждой странице было крупно выведено чьё-то имя: «*Кио Сальвара*», «*Нинна Юна Нортис*», «*Лайла Юна Сандрос*», «*Эван Юн Арчибальд*», «*Хантер Юн Морелли*», «*Грэм Ладов*», «*Джеск Юдин*», «*Алекс Коваль*», «*Лара Земская*»... – вскоре Кира утомилась читать имена этих незнакомцев. Под каждым из них были мелкие строки, но девушка решила прочесть их позже. Она лишь думала о том, что же объединяет всех этих людей. Кто они? Ответы на вопросы наверняка кроются где-то внутри книги. Кира быстро пролистала её, придерживая страницы пальцем, и остановилась на последней заполненной. Здесь тоже были имена, но описания под ними стали гораздо короче – некоторые и вовсе сводились до одной строчки.

Кира бросила взгляд на последнее имя в книге и вдруг поняла, что знает его. «*Ник Острин*». Больной, который недавно покинул Дом Содержания номер 3 раньше времени и, конечно, не вернулся... Кира застыла. В её голове появилась веселая догадка, что объединяет все эти имена, и книгу захотелось скорее закрыть. Выходит, что все эти люди, скорее всего, уже мертвы. Однако ей всё ещё не было понятно, зачем они здесь записаны некой Анникой и зачем Нора дала этот журнал, который ей даже не принадлежит.

«Может она продолжила вести список флегматиков вместо своей... подружки?» – подумала Кира.

Теперь она пожалела, что не расспросила Нору об этом, когда была возможность, а теперь они слишком далеко друг от друга. Может быть, это и имела в виду Нора, когда сказала о частице себя – Кира никогда не перестанет думать об этой загадочной книге, а значит не забудет её. Кира покачала головой, представляя себе задуманную Норой хитрость, и решила, что, как только приедет, напишет ей письмо и обязательно получит ответы.

Загадки книги тем временем утомили Киру. Она бережно убрала журнал в сумку, опустив её под своё спальное место, и забралась под одеяло. Покачиваясь в летящем по рельсам вагоне, она погрузилась в сон.

Иногда стук колёс прекращался – Кира чувствовала, что поезд останавливался. До Капа-бланки ему предстояло побывать ещё на Южной-4, Южной-3, Южной-2 и Южной-1. В вагон входили новые пассажиры, тихо шагая по ковровому полу и заполняя пустые купе. Кира открывала глаза на каждой остановке. Сердце билось сильнее, она устало смотрела в темноту и не могла разглядеть в ней ничего сквозь пелену полусна. Где-то рядом с ней был брат, и после того, как ей удавалось увидеть Яна, её пульс замедлялся и Кира вновь закрывала глаза. Не сходя с курса, поезд мчался всё дальше от дома.

Глава 5

Это было первое в жизни Киры утро, когда она не услышала привычного гудка побудки, который ровно в шесть поднимал весь дьют. Тем не менее, вместе с братом она очнулась в ту же минуту, что и всегда, словно часы были встроены у них внутри.

Сквозь ещё неразвевшуюся пелену перед глазами Кира осматривала купе. Во сне она забыла, что ночует вне дома. Кира проморгалась, чтобы прийти в себя и убедиться, что не спит, и громкий зевот брата быстро помог ей в этом.

– Как спалось, сестричка?

Ян бросил ей кивок головой и через секунду вскочил с постели, приводя своё тело в порядок. Он взъерошил спутанные во время сна волосы, похлопал себя по щекам и резко мотнул головой, словно его схватила судорога. Кира присела на постели и потянулась. Она повернула голову к окну, за которым всё ещё было темно. Прошло уже шесть часов, как поезд бежал по подземным рельсам, и можно было подумать, что этот туннель бесконечный.

– Сколько нам ещё ехать? – сонно пробормотала Кира.

– Не знаю, может, пару часов.

Девушка издала усталый вздох.

– Что, уже передумала? – Ян покачал головой, приняв настроение Киры за разочарование, но та в ответ взглянула на него, задрала дуги бровей.

– Только это и желаешь услышать, да? Ни за что.

Ян долго не сводил с неё глаз, но Кира уже не хотела слушать брата. Она отдернула конец одеяла, который укрывал её, и слезла с постели, тут же начав приводить спальное место в порядок. Ян стал разминать плечи, прокручивая то одну, то другую согнутую руку. Закончив со своей постелью, Кира устала на Яна, который не спешил убирать за собой.

– Похоже, ты изменяешь привычкам, – покачала головой Кира.

– А это запрещено? – возразил Ян, разминая суставы кистей.

– Это не логично, – пожала плечами сестра, – С чего вдруг тебе что-то менять?

– Меняешь ты, меняю и я.

Кира и Ян вцепились друг в друга взглядами. Девушка сузила глаза, пытаясь понять, что у брата на уме, но он лишь беззаботно продолжал разминку.

– Слепо следовать правилам не всегда хорошо, сестричка, – добавил Ян, – Сегодня ты это докажешь. Не забывай, в Столице ты исключение.

Он подмигнул сестре, но она не расценила это как поддержку. «Исключение» – не комплимент. Комплиментов брат делать не умел и не собирался учиться, не представляя, какую пользу можно извлечь из того, что в Капабланке называют лестью.

– Нам пора завтракать, – сказал он и, не успев получить какой-либо ответ от Киры, исчез за дверью купе.

После этого девушке стало легче, и она отпустила внезапно возникшее напряжение выдохом. Брат был прав, следовало поесть. Недостаток аффектина в крови начинал говорить о себе. После сна мысли Киры путались, всё вокруг было новым и непривычным, и в такой обстановке проще всего было придерживаться прежнего распорядка дня. Кира тоже сделала быструю разминку, позволив отдохнувшему телу прийти в строй. Бросив взгляд на незаправленную постель брата, она закатила глаза и поспешила покинуть купе вслед за ним.

Ян стоял в конце вагона и говорил с проводницей, которая встретила их перед поездкой. Издалека Кира не слышала, о чём идёт речь, поэтому прибавила шаг по коридору вагона и скоро оказалась рядом с братом.

– ...нужный вам вагон находится в середине поезда, – размеренным голосом лепетала проводница, указывая рукой в белой перчатке в сторону двери, – Вам надо пройти через два вагона. Поезд прибудет через час, но вы успеете отведать чудесный завтрак от шефа.

– Понял, – отвесил ей небольшой поклон Ян и повернулся к сестре, – Идём.

– Куда?

– В вагон-ресторан, что бы это ни было... Ты есть хочешь или как?

Кира смутилась, но кивнула и поспешила за братом. Путь лежал через другие вагоны – номер четыре и пять. Открыв дверь в четвёртый вагон, Кира увидела, что внешне он ничем не отличается от предыдущего. Ян шёл вперёд очень быстро, и сестра, заглядываясь на потолок и узорчатые стены, начинала отставать.

Перед входом в пятый вагон Ян неосторожно открыл дверь, заставив ковёр под ногами собраться в складки, и Кира запнулась о них, чуть вскрикнув. Брат не услышал её – он уже перешёл в следующий вагон, ни разу не обернувшись. Кира быстро поднялась на ноги, оглядевшись, и принялась отряхивать платье и колени, хотя полы в поезде были удивительно чистые. В коридоре никого не было и, к счастью, никто этого не видел, так что Кира собиралась продолжить путь, но из ближайшего к ней купе вдруг высунулась чья-то голова.

– Вы в порядке?

Обеспокоенный голос незнакомого юноши быстро привлёк внимание Киры, и она вмиг выпрямилась, перестав отряхиваться. Парень стоял в дверном проёме купе, оглядывая её большими голубыми глазами. Кира утвердительно кивнула, сжав пальцами ткань своего платья, и опустила голову.

Взглядом незнакомец удостоверился, что с девушкой всё в норме, а складки ковра на полу дали ему понять, что случилось. Тем не менее, он не стал навязывать ей своё беспокойство и широко улыбнулся.

– Прекрасно.

Подняв взгляд на юношу, Кира отметила про себя, как необычно он выглядит. Его прямые каштановые волосы аккуратно лежали зачёсанными в сторону с изящным изгибом. Светлая кожа лица подчёркивала румянец его щёк и розоватость мягких губ. Она никогда не видела, чтобы мужчина носил такую белоснежную воздушную рубашку, какая была на нём. Он был невысок и нехудощав, и если бы не чистая кожа и аккуратные руки, можно было подумать, что этот парень хорошо знаком с тяжёлой работой. За его спиной Кира мельком увидела купе, в котором сидел мужчина, кажется, вдвое старше. Их купе отличалось от остальных лишь тем, что обе постели были нетронутыми.

Пока Кира изучала незнакомца, из пятого вагона вернулся Ян. Он заметил, что сестры нет, и поспешил узнать, в чём дело.

– Кира, ну где ты тащишься? Я тебя потерял.

Брат уже взял её за руку, но обратил внимание на человека, выплывшего из купе. Тот с любопытством осмотрел Васильевых, и взгляд Яна ему не понравился.

– Будьте осторожнее, – мягко улыбнулся Кире незнакомец, чем заметно смутил Яна, – *Опасности на каждом шагу.*

Он сам повеселел от собственного каламбура, пока Васильевы не спускали с него молчаливых взглядов. Кира сообразила кивнуть ему в знак благодарности за внимание, но Ян равнодушно взял её за руку и потянул к двери.

– И вам доброго пути, – бросил незнакомец им вслед и усмехнулся. Перед тем, как скрыться за дверью, Кира успела улыбнуться ему.

Время летело вместе с поездом, быстро и незаметно, хоть Кире и было непривычно проводить его не за работой. В шестом вагоне располагался ресторан, где Ян и Кира смогли утолить голод и немного поднять уровень аффекина в крови. Завтрак и правда был гораздо вкус-

нее всего, что они когда-либо ели. Теперь они снова сидели в своём купе, ожидая, пока поезд достигнет конечной станции – Капабланки.

После завтрака Кире стало труднее сдерживать своё нетерпение. Она не могла усидеть на месте: перебирала сумку с вещами, проверяя, всё ли взяла с собой, заправляла постель снова и снова, если видела складки или вмятины на одеяле, и в конце концов вышла из купе в коридор, чтобы прогуляться туда и обратно. Наконец, Кира почувствовала, что поезд сбрасывает скорость. Откуда-то сверху раздался приятный голос машиниста:

«К сведению пассажиров: поезд приближается к конечной станции – Капабланка. Прибытие через минуту».

Кира на мгновение замерла, ощутив, как внезапно повысилась температура её тела. Глубоким выдохом она попыталась успокоить быстрый стук своего сердца и сжала руки в кулачки.

– Конечная...

Ян тоже не мог дожидаться конца поездки, не привыкший сидеть без дела. Он захватил сумку сестры и вышел в коридор, закрыв дверцу купе, бывшего их уютным пристанищем на эту ночь.

Поезд замедлил ход, и вскоре вместо непроглядной темноты и мелькающих фонариков в окнах появился светлый вокзал Капабланки. Кира резко повернула голову, взглядевшись сквозь стекло. Резкий свет на секунду ослепил её, так что Кире показалось, будто что-то случилось с поездом, и теперь это действительно её конечная станция... Но взгляд прояснился, и перед девушкой открылась подземная платформа. Кира ахнула, приблизившись к окну. Вокзал Столицы был совсем не похож на платформы Периферии. Сводчатые потолки были усеяны голубой мозаикой, перламутровые кусочки сверкали при свете резных фонариков, висящих на каменных колоннах. Каждая из них была украшена витиеватыми рисунками и блестела золотой отделкой. Пол был выложен из коричневых и бежевых ромбов глянцевой плитки. На стене кремового цвета красовалась золотистая надпись «Капабланка». Посреди платформы стоял большой круглый фонтан – вода рождалась из узкого горлышка наверху и стекала вниз по трём ярусам. Вокруг него на лавочках сидели люди, пассажиры поезда, который вот-вот должен был дать обратный ход.

Вагоны остановились, и Ян двинулся к выходу. Кира не могла оторвать взгляда; она стояла на месте, разглядывая каждый уголок этого места через окно, пока брат не окликнул её. На выходе проводница широко улыбнулась Кире, пожелав «прекрасного дня», и через мгновение девушка ступила ногой на столичную платформу. Она повернулась вокруг себя, осматривая вокзал ещё раз. Кое-кто из других пассажиров тоже не решался сразу покидать платформу. Видно было лишь местных, кто, хоть и засматривался на красоту потолков и журчащего фонтана, но довольно быстро двигался к выходу. Среди них Кира узнала двух пассажиров – мужчин из купе, которых видела перед завтраком.

Брат и сестра переглянулись, насладившись местом, которое встретило их, и медленно двинулись вслед за остальными, сошедшими с поезда. Вместе с людьми они пришли к широкой лестнице, ведущей на поверхность. Кира помогала себе подниматься, хватаясь за резные перила. Путь вверх был недолгим, и они с Яном преодолели его быстрее остальных. Выход в город был совсем близко, за стеклянными дверцами, так что через пару секунд перед Кирой открылся верхний вокзал.

На улице её лицо обдал ветерок, и Кира глубоким вдохом наполнила лёгкие свежим воздухом. Здесь было гораздо прохладнее, чем дома.

Впереди пролегал коридор из колонн, ведущий к выходу, и люди стройно шли по нему друг за другом. Кира смотрела по сторонам. Между колоннами виднелись рельсы, чуть дальше стояли поезда и вагоны – за этим коридором не было ничего удивительного, сверху пассажирского вокзала раскинулись грузовые платформы с привычными рабочими поездами. Эти

закопчённые вагоны вдали напомнили Кире о доме, и теперь ей вдвойне не хотелось возвращаться обратно.

Взглянув на брата, Кира увидела, что Ян тоже смотрит на разгрузочный пункт. Он узнал один из вагонов, ведь недавно сам его наполнял.

– Так вот куда мы их отправляем... – негромко сказал Ян.

На грузовых платформах кипела жизнь, поезда медленно двигались, перестраивались, рабочие в ярко-красных жилетках ходили вокруг, махая руками, переговаривались, отправляя поезда в нужные разгрузочные пункты по границе Периферии с Капабланкой. Кира заметила, что никто из местных, идущих рядом с ней, не смотрит туда, за колонны. Если они побывали на Периферии, значит насмотрелись вдоволь.

Коридор вскоре привёл их к выходу в город, перед которым стояла высокая белая арка. Оказавшись ближе, Кира увидела, что она словно сплетена из белых кованых прутьев, а наверху каждый железный стебель заканчивался вытянутым соцветием. Она прочла наверху золотую надпись «*Добро пожаловать в Капабланку*» и вместе с братом прошла через арку.

Впереди, посреди площади, куда пришли пассажиры, Кира увидела высокую каменную статую. Это была стройная женщина, голова которой была решительно повернута в сторону. Сверху её одеяние напоминало железные доспехи, а ниже складками переходило в платье. В руках у каменной женщины был огромный цветок. Кира видела похожие растения в старых книгах Норы, но такие – никогда. Воздушные изгибы кудрей, складки платья, словно развевающегося на ветру, делали фигуру этой незнакомой женщины такой живой, словно она сделана не из мрамора, а из плоти. Кире вдруг стало жаль, что она не настоящая. И доведётся ли ей когда-нибудь увидеть настоящую Юнону Розу... Кира быстро догадалась – конечно, это была она. Когда они с братом подошли ближе, девушка смогла прочитать слова на золотой табличке:

Розетте Капабланке от Петра Панаева

Расцвет

Имя автора скульптуры Кира никогда не слышала, но постаралась запомнить – его творение долго не отпускало её, заставляя рассматривать каждую деталь каменной статуи. Юнона встречала всех приезжих, словно настоящая, но не смела задерживать здесь, ведь за её спиной ждал целый город. Ян подхватил Киру за плечо, махнув головой в сторону дороги, и они наконец оказались в Столице.

Недалеко от вокзала была причудливая постройка – рядом с ней вдруг остановилась машина, похожая на автобус рабочих, на котором они добирались до фабрики каждый день. Только эти машины были ярко-оранжевого цвета – и не от ржавчины, – ездили по рельсам, а с крыш тянулись тонкие железные прутья, цепляясь за провода, висящие вдоль дороги. Оказавшись ближе, Кира узнала из таблички, что это остановка трамвая – общественного транспорта для жителей города. Рядом с остановкой была карта, где рисунки показывали, куда можно добраться отсюда. Однако разобрать десятки линий и названий незнакомых мест оказалось труднее, чем они с Яном думали сначала – парень долго изучал карту и теперь казался сестре не таким самоуверенным.

– Ну так, куда тебе там надо? – между делом спросил он.

– Саль-ва-рен, – проговорила Кира, словно повторяла это в тысячный раз, – Институт целителя. Что, на карте его нет?

– Я думал, ты знаешь, где это.

– Вот молодец, откуда мне знать? Дай посмотреть.

Кира отпихнула брата в сторону и принялась разглядывать карту. Ян в это время наконец заметил нужную точку и ткнул туда пальцем.

– Смотри, не так и далеко.

Сестра попыталась проследить короткий путь до института, водя ноготком по карте, но путалась, словно в лабиринте, а запоминать нужные повороты и их последовательность после

десяти пунктов стало трудно. Ян и Кира не уставали разгадывать эту головоломку, споря друг с другом, пока за их спиной не послышался чей-то голос:

– Первый раз?

Ян обернулся и увидел перед собой парня, который улыбался не ясно от чего – то ли его веселила картина этих безнадёжных поисков, то ли брат с сестрой что-то делали не так.

– А тебе чего? – отрезал Ян, – Иди, куда шёл.

Услышав, что брат спорит с кем-то другим, а не с ней, Кира отвлеклась от изучения карты и взглянула на незнакомца, однако юноша со светло-голубыми глазами оказался уже вполне знакомым...

– Постой, – вдруг сказала Кира, – Я тебя помню... Ты с нашего поезда.

– У тебя прелестная память.

Понимая, что она никак не может запомнить нужную дорогу, Кира ответила:

– В этом я сомневаюсь...

Юноша, встреченный ею в поезде, теперь был один. Казалось, что он никуда не торопится и у него нет хоть какой-нибудь желаемой точки назначения. Он стоял перед периферийцами, засунув руки в карманы широких брюк, и слегка покачивался с пятки на носок.

– Если не знаете путь, могу помочь, – сказал он, но Ян стоял на своём.

– Разберёмся. Я же сказал – проваливай.

Незнакомец лишь пожал плечами, уже собираясь отступить, но Кира смирив брата предупреждающим взглядом и, решив, что вдвоём они будут добираться до института целую вечность, остановила парня:

– Не слушай его. Мой брат не знает, что говорит.

– Ничего, я не в обиде, – пожал плечами он, – Ну, так что же вас сюда привело?

– Вообще-то мне нужно в Сальварен, и как можно скорее... Ты знаешь дорогу?

– Знаю, – улыбнулся юноша и кивнул головой в сторону, приглашая идти за ним.

Ян медлил. Когда Кира отошла от него всего на пару шагов, незнакомец тихо спросил:

– А ему обязательно идти с нами?..

Кира бросила на него резкий взгляд из-под сдвинутых бровей, и юноша усмехнулся, улыбнувшись ещё шире.

– Шучу, шучу. Я бы не посмел украсть девушку на глазах у её брата. Но, должен сказать, со мной вам повезло. Идём, я провожу вас.

– Это необязательно, – сказала Кира, – Мог бы просто указать нам путь, но если хочешь...

– Бросьте, неужели вы откажетесь от экскурсии по Капабланке лично от меня, – парень многозначительно указал обеими руками на себя, шагая спиной вперёд.

Кира и Ян переглянулись. Брат быстро остыл и пожал плечами, мысленно соглашаясь с тем, что с проводником добраться будет быстрее, а опоздать на экзамен Кире никак нельзя.

– По Капабланке можно гулять днями и ночами, – продолжал юноша по пути, – Вам повезло оказаться здесь. Это, без преувеличения, самый красивый город мира... Если вы понимаете, о чём я.

Шагая по мощёной улице, Кира разглядывала домики вокруг. Идеально гладкие светлые стены украшала всевозможная каменная отделка: гипсовые завитки, колонны между большими окнами в рамах, резные фигуры, балконы с изящными балюстрадами. Белый камень извивался на фасадах зданий, словно живой, и всё дальше завлекал Яна и Киру вглубь города.

Незнакомец всё время что-то рассказывал, и Кира старалась держаться ближе к нему, чтобы ничего не пропустить. Ян шёл за ней, чтобы сестра оставалась на виду, но окружающие здания не давали не спускать с неё глаз. Пройти мимо удивительных гипсовых статуй и арочных ансамблей было невозможно.

Столичный юноша вдруг приостановил свой рассказ, задрал голову и задержал взгляд на шпиле одной из крыш, устремлённом в небо. Кира, сделав то же самое, не поняла, что задержало его внимание, и из её уст вдруг вырвалось:

– Так ты... родом отсюда, значит?

Парень посмотрел на неё и улыбнулся её наивности.

– Типа того, красавица.

Кира опустила глаза. Почему он назвал её так – Кира не поняла и смутилась. Она никогда не слышала, чтобы кто-нибудь говорил о красоте по отношению к людям. Вокруг неё были такие здания, скульптуры и украшения, которые выходили за грани её воображения. Кира вспомнила статую Юноны – вот настоящая «красавица». Подумав, что это какая-нибудь шутка или лишь незнакомая ей традиция Столицы, она выбросила это из головы.

– Можешь звать меня Кира. А моего брата – Ян.

Юноша кивнул и оглядел лицо девушки, отметив про себя, что её имя очень ей подходит.

– Ну, а меня зовут Кайлин Юн Хавьер, – сказал он с наигранной гордостью, пародируя своих городских соседей, которые любили выставлять напоказ свои длинные и звучные имена.

Кира улыбнулась, но тут же поняла, что не запомнила, пожалуй, четверть имени парня.

– Ну, а я *просто* Кира.

Кайлин засмеялся, после чего объяснил новой знакомой, что полным именем его в общем-то никто не зовёт. Да и сам он даже в официальной обстановке порой воздерживается от указания на своё столичное происхождение приставкой «Юн». Он был не из тех, кто склонен разделять людей.

– Там, где я живу, все носят короткие удобные имена или вообще зовут друг друга по фамилии, – рассказала Кира, – Тебя бы звали... Кай.

– Кай? Надо же... Неплохо. А что, до одной буквы сократить не догадались?

– Боюсь, тогда нас с тобой было бы трудно различить.

Кира сдержанно улыбнулась, хотя смех Кайлина польстил ей. Нечасто удавалось слышать этот звонкий, полный радости звук, что вызывал аффектин в крови.

Оба успели заметить, что обычаи мест, в которых они выросли, очень разные, но от этого им только больше хотелось о них узнать.

– Скажи честно, Кай, разве ты можешь просто взять и вот так пойти с нами?

– А почему нет?

– И у тебя нет других дел?

– Я начинаю подозревать, что ты хочешь избавиться от меня...

– Да нет, что ты, просто... Тебе ведь не нужно там быть. Выходит, ты идёшь с нами просто так...

– *Просто* таки проходит моя жизнь, милая. Я иду туда, потому что хочу. К тому же, мой приятель сегодня поступает в Сальварен – навещу его, раз уж ты ищешь смысл в моих действиях.

Кира кивнула, такой повод устроил её. Она чуть не забыла про брата, который шёл позади, и обернулась, но с Яном всё было в норме – он молча оглядывал окрестности, подмечая детали про себя, и, видя его лицо, Кира была рада, что свои мысли он не озвучивал...

Кайлин заметил внимание Киры к брату и вдруг остановился у небольшого здания с чёрно-золотыми шатрами над входом. На стекле двери сияла надпись «Багира».

– Вы не голодны? – спросил Кайлин, указывая на дверь, – Это хороший ресторан, можем перекусить.

– Недавно был завтрак, – ответил Ян, продолжая идти.

– О, принимаете пищу по часам?

– А ты нет? – удивилась Кира.

– Когда придётся. Распорядки не для меня.

Все трое двинулись дальше по широкой улице. Здесь было много ресторанов и кафе, пекарен и кондитерских, из-за стеклянных дверей на улицу проникал приятный аромат свежей еды. За стеклянными витринами некоторых зданий были полочки с невероятно красивыми пирожными.

Продавалась не только еда – длинные цепочки магазинов тянулись вдоль улицы, сверкая своими прозрачными витринами и завлекая радостных жителей Столицы заглянуть внутрь. Проходя мимо одного из них, Кира остановилась у стекла. Её взгляд привлекли безликие золотые статуи, которые были одеты, как люди.

– Магазин мадам Ханьи Флёр, – пояснил Кайлин.

На статуях женщин были надеты сверкающие платья. Одно из них было украшено перьями, другое – блестящими жемчужинами. На третьей статуе была шляпа с огромными полями и узкое платье с золотыми пуговицами. Особенно Киру зацепил сарафан с белым кружевом на одном из манекенов.

Из магазина вдруг вышла женщина, на которой было надето платье, похожее на одно из тех, что выставили на витрине. Для жизни на Периферии такая одежда не удобна, но здесь женщины могли позволить себе покупать любые наряды и сверкать ими, завораживая чужой взгляд. Кира опустила глаза и посмотрела на своё синее льняное платьице.

– Может, мне стоит сменить его?..

Кайлин встал рядом с Кирой, с наслаждением разглядывая наряды за стеклом, но поспешил расстроить её:

– Тогда советую тебе начать откладывать. Платья здесь недешёвые, а уходить без покупки не принято.

Сказав это, Кайлин с недоверием осмотрел магазин, хмыкнул и позвал Киру идти дальше.

– Но почему? – поинтересовалась она у парня, – Чем этот магазин так отличается?

– Это первый модный магазин в Капабланке, – объяснил Кайлин, – Ему уже куча лет, как и его главному дизайнеру – хоть по ней и не скажешь – выглядит она прекрасно. Ханья Флёр – одна из основательниц Юниверса, кстати, и она до сих пор заведует Флертой. Это институт дизайна и моды, жаль, не увидим его по пути.

– Что ж, раз она такая старая и богатая – раздала бы всем по одному платью. Нам ведь нужнее...

– Ага, я бы точно от модного платья не отказался.

Кира усмехнулась, однако в её шутке была доля правды. Чем ближе она подходила к центру Столицы, тем больше понимала, что её жители ни в чём не нуждаются. У них есть всё, и, кажется, они счастливы. Кира взглянула на Кайлина – с его лица никогда не слезала улыбка. Он обошёл половину города пешком, но не показывал ни капли усталости, а колкости Яна, к которым Кира уже привыкла, не задевали его. Неужели в таблетках аффектина столько силы?

Дорога почти привела Киру и её спутников к нужному месту, оставалось свернуть в переулок, который привёл бы её к зданию Сальварена, но по пути она увидела то, что вновь захватило её любопытство – на этот раз больше, чем раньше. Улица упиралась в большой парк развлечений, каждая его частичка светилась, крутилась, куда-то ехала или взлетала. Это было похоже на огромное существо, поглощающее людей и от того всё набирающее силу.

В парке Кира заметила много детей, они кричали, смеялись, из глубины громко играла музыка, и весь этот шум притягивал и отталкивал её одновременно. Прямо за входом Кира увидела большую карусель. Она быстро кружилась, поднимая людей в воздух. Глядя на это, Кира почувствовала, как её сердце сжалось, и она представила в полёте себя – как она поднималась бы над всей Капабланкой, закрыв глаза, и летела бы, словно на крыльях, забыв обо всём...

Через мгновение в неё закралась капля страха. Она вспомнила, что её путь идёт дальше, мимо подобных столичных развлечений. Вздохнув, Кира попятилась, и вскоре её окликнул

брат. Нельзя было забываться – не теперь, когда её цель ждёт за поворотом. Оставив карусель позади, Кира продолжила путь.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.